

И.Г. Добродомов

И ЕЩЕ РАЗ К ЭТИМОЛОГИИ
РУС. *РАМЁНЬ(Е)**

Слову *рамень* (и его суффиксальному варианту *раменье*) были посвящены отдельные этюды, принадлежащие Г.А. Ильинскому, Ю.В. Откупщикову, Ю.И. Чайкиной, Н.И. Толстому, Л.В. Куркиной¹, но до сих пор остаются в силе итоговые мысли (не считая беглых замечаний по поводу) первого автора: “О происхождении этого слова этимологической науке до сих пор не удалось сказать ничего положительного” (с. 179).

Основным недостатком существующих работ по истории и этимологии слова *рамень(е)* следует считать отсутствие источниковедческого анализа использованного материала и наивное потребительское отношение к последнему, исключением из чего являются работы Г.А. Ильинского и Н.И. Толстого, которые отметили наличие ложной этимологической рефлексии в некоторых толкованиях.

Важно учесть, на основе каких материалов строились этимологические разыскания. Слово *рамень* обратило на себя внимание в письменных памятниках и первоначально сопровождалось пометой как слово *старин(ное)*. В научный обиход слово *рамень* вошло (не без недоразумений) в самом конце XVIII в. стараниями Российской академии. В четвертой части предварительного списка подлежащих толкованию русских слов (Аналогические таблицы, ч. I–V, СПб., 1784–1787) значилось: “*Рамёнь, мня м. черной лѣсъ, какъ то дубъ, вязъ и другія деревья*” (с. 47). Но в самом “Словаре Академии Российской” слово получило помету *старин(ное)* и летописную иллюстративную цитату, которую сотрудники Академии нашли в публикации: “Русская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением Имп. Академии наук” тщанием С.С. Башилова и А.Я. Поленова под наблюдением А.-Л. Шлёцера (ч. 1–8, СПб., 1767–1792): “**РАМЁНЬ**, мня. с. м. старин. Строильный, годный на строеніе лѣсъ. А лѣсы старые, и боры, и раменье и дубы изъ корене исторже. Ник: лѣт. V. СПб, 1789, 286”². Академические лексикографы не заметили, что это единичное реестровое слово *рамень* они снабдили иллюстрацией, где фигурирует совсем другая его форма *раменье*, а в более позднем издании летописи здесь под 1460 годом читается *раменіа* и как вариант *рамень* (Полное собрание русских летописей,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) – грант № 06-04-00482а.

т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1901, 113).

В последующем издании этого же Словаря в статью добавлено указание на второе склонение, но опущен не вполне подходящий иллюстративный пример: “РАМѢНЬ, мня, с. м. 2 скл. старин. Строильный, годный для строенія лѣсъ” – зато добавлено второе значение под прилагательное: “РАМѢННЫЙ, ная, ное, прил. 1) Плечный. 2) Строевой. *Раменный лѣсъ*”³. Это повторено и в словаре П.И. Сокколова почти дословно: “Рамѣнный, ая, ое. 1) Плечный. 2) *стар. Строевой. Раменный лѣсъ*. Рамѣнь, мня, м. 2. *стар.* Строильный, годный на строеніе лѣсъ”⁴.

На этом основании швейцарский лексикограф Ф.И. Рейф поместил в словарное гнездо под славенским существительным *рамо* (мн. число *рамена*) ‘épaule’ с прилагательным *рамѣнный* ‘d’épaule’ сочетание *раменный лѣсъ* ‘bois de construction’ и существительное *раменъ* (род. п. *рамня*) с тем же значением ‘bois de construction’⁵.

Терминологические словари середины XIX в. дали мало интересного материала, переместив, однако, слово в терминологию видов леса из наименований строительного материала, добываемого в этих лесах: “Лѣса раменныя. Такъ называются въ Низовыхъ губерніяхъ лѣса, смѣшанно растущіе. См. ниже это слово”: “Лѣсам и смѣшаннорастущимъ называются такіе, въ которыхъ, на всемъ протяженіи лѣсной дачи, попадаются деревья различныхъ породъ и разныхъ возрастовъ, въ безпорядочномъ смѣшеніи...”⁶.

“Рамѣнки. Сортъ яблонь. Рамѣнь. Обыкновенное строевое дерево, толщиною от 5 до 8 вершковъ въ отрубѣ и длиною отъ 5 до 7 сажень. Терминъ лѣсопромышленниковъ. Рамѣнье черное. См. *Черное раменье*. Черное раменье. Мокрое мѣсто, на которомъ растетъ болѣе сосна”⁷.

В “Словаре церковно-славянскаго и русскаго языка, составленном Вторымъ отдѣлениемъ Имп. Академіи наукъ”, указан также и вариант *раменье*, причемъ сделана не вполне последовательная попытка уточнить ударение в формѣ *рамень*, не распространившаяся на косвенные падежи, и указано совсемъ другое значеніе, но иллюстративный примеръ взятъ изъ письменнаго памятника, а не изъ живого языка: “РАМѢНЬ, мня, с. м. и РАМѢНЬЕ, я, с. ср. Лѣсная поросль на запущенной пашнѣ. Да по край Ѳедоровы пашни на ручей, да на уголь Гридина мху, да на раменье на пихтовое. Акты Юр. 170”. При этомъ интересно прилагательное: “РАМѢННЫЙ, ая, ое, пр. 1) Церк. Плечный. 2) *Стар.* Относящійся къ раменью”, изъ чего ясно, что основнымъ изъ вариантовъ *рамень* и *раменье* считается последний⁸.

Приведенный иллюстративный примеръ представляетъ собой цитату изъ стариннаго документа “Разѣзжая на земли Кириллова монастыря и крестьянъ Масленской волости 1555 г.”⁹.

Впервые приведенная в Академическом словаре 1847 г., эта цитата из разъезжей грамоты получила далее необычную популярность у лексикографов и лексикологов: ею иллюстрировались разные и лишь частично сближающиеся значения слова *рамень(е)*, начиная со словаря В.И. Даля: “лѣсъ, сосѣдній съ полями, съ пашней” (Даль² IV, 56); “лѣсъ на краю пашни” (Срезневский III, 65); “угодь; лес по краю пашни”¹⁰; “участок хвойного леса”¹¹; “Заброшенная пашня (обычно в лесу); лесная поросль на заброшенной пашне; смешанный, а иногда и настоящий хвойный лес” (СлРЯ XI–XVII, 21, 268). В последнем случае указание на пашню¹² явилось под влиянием ошибочной идеи Ю.В. Откупщикова о принадлежности слова *рамень(е)* к терминологии подсечно-огневого земледелия, о чем речь пойдет дальше при обзоре этимологических трактовок этого ландшафтного термина.

Из “Толкового словаря живого великорусского языка” В.И. Даля эта цитата из разъезжей 1555 г. почему-то попала даже в “Словарь русских народных говоров” (в. 34. СПб., 2000, с. 96) как иллюстрация к 4 значению слова *рамень(е)*: “4. То же, что *рамень* (в 5-м значении) *Да по край Федоровы пашни на ручей, да на угол Гридина – мху, да на рамень(е) на пихтовое*. Даль. Кологрив. **Костром.**, 1896. **Прикамье, Зауралье**”. А 5-е значение слова *рамень* представляет собой неточную формулировку из словаря В.И. Даля: “Лес, примыкающий к полям, к пашням” (СРНГ 34, 96, 95). Белозерская привязка цитаты почему-то подменилась Кологривской, а также Прикамской и Зауральской (?).

Вероятно, колебания в определении семантики загадочного слова *рамень(е)* привели Ф.П. Филина к неутешительному выводу: “Этимология этого слова остается неустановленной, поэтому его первичное значение гадательно. Старорусские (т.е. среднерусские. – И.Д.) тексты, в которых встречается *рамень(е)* и его производные, не позволяют с достаточной точностью определить семантику данного термина, однако несомненно, что он был полисемантичен”¹³.

Только к середине XIX в. выяснилось, что слово *рамень(е)* неплохо сохранилось в некоторых русских народных говорах, где более легко выяснить как его семантику, так и форму.

Обращение к народному русскому языку позволило установить истинное место ударения на первом слоге *рамень*, принадлежность слова к женскому роду и отсутствие беглости гласного *е* при склонении, относительно чего в предыдущих фиксациях часто делались ошибки, поскольку составители словарей опирались до этого исключительно на материалы письменности, где такие данные обычно не обнаруживались: “**РАМЕННЫЙ**, АЯ, ОЕ, *пр.* Относящийся къ раменью, боровой. *Раменные дрова*. Дрова изъ бору. Р я з. *Касим.* **РАМЕНЬ**, и, *с.ж.* 1) Мѣсто, гдѣ растеть дремучій большой

лѣсъ, годный на строение. Мы пхали такой раменью, что инды страшно. В л а д и м. Муром. 2) Большой казенный лѣсъ. К о с т р о м. Кинеш. РАМЕНЬЁ, я, с.ср. 1) То же, что рамень в 1 значении. В л а д и м. Покров. 2) Крупный дремучий лѣсъ. В я т. Перм. Шадр. РАМЕНЬЕ, я, с.ср. Деревня, построенная на полугорѣ, на скатѣ горы. В о л о г. Верховаж.” (Опыт 188).

Что касается удараения *рамень* ‘деревня на скате горы’, то есть основания считать его ошибочным и не соответствующим первоисточнику, как это видно из первичных архивных материалов, использованных Н.И. Толстым для показа своеобразия слова *рамень* в говорах Русского Севера: «В Череповецкой, Вологодской и Северно-Двинской зонах *рамень* ‘свободное от леса, но окруженное лесом пространство’: сев. двинск. *рамень* ‘пустошь’ (с. Усыанско-Дмитриевское, Романов 1928), череповецк. – *рамени* ‘луговые сенокосные пространства среди леса’ (Герасимов 1893, Герасимов 1910), вологодск. *рамень* ‘чищение в лесу’ (Кадниковск. у. Дилакторский 1898). Отсюда, вероятно, и значение, отмеченное для Верховажья б. Вологодской губернии А. Шайтановым в 1849 г.: “*рамень* – так во многих местах зовутся деревни, стоящие в полу-угоре (далее следует ложная этимология. – Н.Т.), как будто на раменах гор, или как будто горы служат рамами”¹⁴ (отсюда и Опыт 1852 и позже Даль СЖВЯ и Дилакторский 1902)»¹⁵. Точно отражавший материал своих источников, Н.И. Толстой не считал лишним передавать и учитывать даже не имеющие прямого отношения к семантике слов этимологические рефлексии лексикографов, что особенно ярко сказалось у В.И. Даля.

Фиксация этого слова в Гороховецком уезде Владимирской губернии в 1854 г. дала возможность установить, что *рамень* как обозначение лиственного леса противопоставляется *бору* как обозначению леса соснового: «Корреляция лесного термина *рамень* с другими терминами может быть построена и на основе признака породы деревьев (ср. владимирск. *рамень* ‘большой березовый лес’ в отличие от *бора* ‘большого соснового бора’), но чаще всего она возникает на основе признака “величины” и “дремучести”»¹⁶. Вероятно, это отражено и в цитате из Никоновской летописи в первом издании “Словаря Академии Российской”.

К самому началу 60-х гг. XIX в. относится и первая не очень внятная попытка этимологизации слова *рамень* и использование этимологии применительно к характеристике трудовой деятельности русского земледельца: “Главная его дѣятельность на полѣ; лѣсъ – граница его взорамъ на отдалѣнном небосклонѣ, а также и граница его воздѣланному полю; поэтому отъ слова *рамень* – лѣсъ – происходит областное названіе границы: *зарамень*, а также и просто *рама*”¹⁷.

Одна из ранних фиксаций слова в фольклорных текстах сопровождается толкованием в глоссарии: “**Раменье**, с.ср. *Мѣсто, гдѣ растетъ большой строевой лѣсъ*. Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ лѣсамъ и по раменью. I, 1, 2, 66”¹⁸. Но в других фольклорных изданиях, как отмечает Н.И. Толстой, толкование позже оказывается иным: “Так, например, для одного и того же отрывка текста “...скакал по темным лесам и по раменью...” в сборнике Кирши Данилова дается пояснение *раменье* ‘густой лес, лес соседний с полями’ (толкование А.П. Евгеньевой)¹⁹, а в сборнике П.Н. Рыбникова *раменье* ср.: ‘место, где растет большой строевой лес’ (“Песни, собранные П.Н. Рыбниковым”, ч. I. Петрозаводск, 1864)”²⁰. Еще одна редакция толкования дана в сводно-академическом диалектном словаре, причем со ссылкой на того же П.Н. Рыбникова и на весьма подозрительную фиксацию в иркутских говорах: “Возвышенное место в лесу, где растет большой строевой лес. *Бегал, скакал по темным лесам и по раменью*. Олон. Рыбников. *Иркут*.” (СРНГ 34, 96).

Ф. Миклошич рус. *рамень* перевел латинским *dumetum* ‘колючий кустарник’ (Miklosich LP 783, Преображенский II, 181).

Наиболее полные сведения о слове *рамень(е)* в XIX в. дал В.И. Даль в своем “Толковом словаре живого великорусского языка”, суммировав весьма значительный материал, но он был освещен в духе наивной этимологии, поскольку слово *рамень(е)* вызвало этимологические соображения В.И. Даля в направлении, подсказанном Ф.И. Буслаевым в 1861 г. Наш великий лексикограф закончил ими свою словарную статью о словах *обрамливать*, *обрамить*, *обрамливание*, *обрамление*, *обрамка*, где слово *раменье* даже и не должно было фигурировать: “**Обраменье** ср. нѣг. околица раменя, чернолѣся; опушка лѣсная: *обрамокъ* м. края пожень, къ лѣсу, къ пригорью съ родниками, мочажинамъ. Эти слова наводятъ на мысль, не отъ рускаго ли корня *рамо*, плечо, вышло: *рама*, *рамка*, перейдя со славянскихъ наречій въ германскія? Не отсюда ли и наше *раменье*, оплечье пашень, чернолѣсье в концѣ пашень и пожень, кои всѣ почти образовались изъ расчистокъ и *обрамлены* лѣсомъ? (у Шимк(е)в(ича) корня *рамо* нѣтъ). *Раменье*, *вост.* краснолѣсье, и *рамяно*, красно, румяно, можетъ быть значенье производное” (Даль² II, 634).

Совместное употребление названия леса и глагола *обрамить* (с его производными) в разного рода контекстах типа следующего: “На пути то и дело к дороге прижимаются озера в красивом обрамлении зеленой шевелюры хвойного леса”²¹ – привело к тому, что малознакомое название леса *рамень* стало ассоциироваться с этим глаголом и существительным *рама*.

Это объединение слов *рамо* (мн. *рамена*) ‘плечо, плѣко, уступ от шеи, округлый спуск и часть рукъ до локтя: плечевая кость и т.д.’ с производными, *рама* ‘пяла, четырехугольная (а затѣмъ уже всяко-

го вида) обвязка, как бы отплечье' с производными, *рамя́ный* (стар.) 'обильный, сильный, бченый' и *рамень*, *раменье* начинается применительно к двум последним этимологическими соображениями на базе слов *рама*, *обраменье*, *зараменье* (даны светлым курсивом) и постепенно переходит в описание реального лексического материала, поданного жирным курсивом: "*Ра́ма*, стар. межа, граница, обводъ, обходъ участка земли, по владенью; *рама*, нынѣ *обраменье*, край, предѣлъ, конецъ пашни, которая упирается в лѣсъ, либо расчищена среди лѣса, какъ встарь большею частью, и нынѣ тоже нерѣдко на сѣвѣре и востокѣ Руси, отсюда *зараменье* или *рамень* ж. и *раменье* ср. лѣсъ, сосѣдній съ полями, съ пашней. *Да по край ѿедоровы пашни* (идеть межа, *ра́ма*) *на ручей, да на уголь Гридина-мху, да на раменье на пихтовое*, Акты юрдчск. Нынѣ *рамень* и *раменье*, кстр. ряз. мѣшаное чернолѣсье, ель пихта, липа, береза, осина, болѣе по суглинку съ моховиной; кстр. *прм. вят. влд.* густой, дремучій, темный лѣсъ, большіе казенные лесá, гдѣ есть распашка; глушь, лѣсная непроѣзжая, безъ дорогъ, гдѣ только по опушкѣ есть починки и рощисти; || *раменье*, *влд.* деревня, селенье подъ лѣсомъ; есть также названіе деревни *Раменье* (нвг.). || *Рамень*, у промыслнкв. бревно въ 5–7 саж. *Въ лѣсу да въ раменьѣ кипитъ, да взвариваетъ* (муравейникъ)? *Раменка* *каз.* островъ, клинъ, полоса однороднаго лѣса. *Лѣсъ не мѣшанный, а все раменками. Раменный*, стар. *раменскій*, лѣсной, боровой, вообще къ рамени, лѣсу относящс. *Раменный сабельникъ*, растн. *Somatum palustre*. || *Раменскій*, шутч. прозвище медвѣдя". Затем после слов: "*Раменка* ж. *раменокъ* м. оплечье, оплечекъ, часть рубахи и иной одежды, кроющая плечо" – составитель снова возвращается к этимологическим рассуждениям: "*Ра́ма*, *рамка* отъ *ра́мо*, *раменá*; *обраменье*, окраина пашни, рощисти в лѣсу; *зараменье* или просто *раменье*, лѣсъ, окружающій поле, пашню, чищобу: такъ въ *кал.* губ. лѣсъ нерѣдко зовется краемъ, т.е. закраиною поля, раменьем – а *край* и *рама* одно и то же. Слово *Rahmen* въ немцы зашло отъ славянъ" (Даль² IV, 56–57).

Подобное же народноэтимологическое сближение названия леса *рамень* с появившимся в XVII веке германизмом *рама* (нем. *Rahmen*) отражается и в современной энциклопедической лексикографии: "**РАМЕНЬ** – еловый лес на свежей (слабовлажной) суглинистой почве, отличающийся большой продуктивностью и высоким качеством древесины. Распространен гл. обр. в зоне тайги. Название "Р." связано с освоением лесных площадей под с.-х. угодья: площади пашни оказывались как бы в раме елового леса. Иногда Р. называют и другие виды темнохвойного леса"²².

Производный от германизма *ра́ма* 'cadre' глагол *обра́мливать*, *обра́мить*, возникший в первой половине XIX в. не без влияния франц. глагола *encadrer* и первоначально им пояснявшийся (например, в письме П.А. Вяземского из Парижа от 14/2 марта 1839 г.:

“Довольно большая площадь обстроенная или *обрамленная*, *encadrée* четверугольным зданием красного и белого цвета с галлереєю внизу”)²³ – был включен уже в словарь Ф.И. Рейфа: *обра́мливать, обра́мить* ‘encadrer, mettre dans un cadre’, прич. *обра́мленный*²⁴.

Хотя употребление слов *обрамить, обрамленный* вызывало протесты пуристов как портящее язык необычным словопроизводством (“когда вопреки свойству языка изменяется слово, при его производстве”)²⁵, глагол *обра́мить* с производными в конкретном значении был включен также в словарь 1847 г.: **ОБРА́МИТЬ**, *сов. гл. о б р а м л и в а т ь. ОБРА́МЛЕНИЕ*, *я, с.ср. Дѣйствие обрамившего. ОБРА́МЛИВАНИЕ*, *я, с.ср. Дѣйствие обрамливающего. ОБРА́МЛИВАТЬ*, *ваю, ваешь, о б р а м и т ь, гл.д. Вставлятъ въ раму, оправлять рамою. Обрамить окно*”²⁶.

К концу XIX в. широкое переносное употребление глагола *обрамить*, особенно в форме причастия *обрамленный*, превратилось в образец шаблонности приемов и манерности стиля и осуждалось, например, А.П. Чеховым в письме А. Жиркевичу от 2 апреля 1895 г.: «Теперь уж только одни дамы пишут “афиша гласила”, “лицо, обрамленное волосами”»²⁷.

И.А. Бодуэн де Куртенэ, разбивая первоначальное обширное этимологически связанное гнездо *рамо*, куда нѣ вполне правильно было включено и слово *рамень(е)*, не смог преодолеть трудности на пути к адекватному представлению материала вне гнезд и начальное слово (у Даля было напечатано *рама* светлым курсивом как элемент толкования на этимологической основе) пассажа со словом *рамень(е)* напечатал прямым жирным шрифтом и снабдил его грамматической пометой, благодаря чему оно приобрело облик реально-го толкуемого слова: “**Ра́ма** [ж.] стар. межа, граница, обводъ, обходъ участка земли по владеню; *рама*, нынѣ *обра́менье*” и т.д. (Даль³ III, 1586).

И.А. Бодуэн де Куртенэ не справился с разбивкой этимологического гнезда *рамо*, куда ошибочно было включено *рамень(е)*, что впоследствии сказалось на этимологических суждениях о последнем.

Уже в 70-е годы XIX в. начались поиски этимологических соответствий в других языках, носившие характер нерешительных сопоставлений, впоследствии отвергнутых по разным причинам: “Р а м е н ь г а м ј е њ m. *rus. materia dřevo stavěcí, budovné; etymologicky temné; pochybno, zdali jest ve spojitosti s нѣс. рѣмвоѣ, рѣмва вѣтев s listím i plodem; нѣс. ρουμάνιον háj, les Gehölz, Wald jest sice významem bližší, tím více se ale odchyluje formou*”²⁸. Эти соображения А. Маценауэра, хотя и высказаны были весьма осторожно, но подверглись строгому критическому разбору. Сопоставление *рамень* с древнегреческим *ῥάμνος* ‘ветвь с листьями и плодами’²⁹, предложенное А. Маценауэром, несостоятельно, поскольку греческое *ῥάμνος*

уверенно соотносится со старославянским *върба*³⁰, на что обратил внимание М. Фасмер (III, 440), но вместо приведенного А. Маценауэром значения ‘ветвь с листьями и плодами’ для греческого слова дал значение ‘терновник’³¹. М. Фасмер решительно отмечает и другое столь же робкое соображение: “Относимое сюда Маценауэром нов.-греч. *ῥοιζάνι, οὐρζάνι* ‘лес’ заимств. из тур. *orman* ‘лес’ и не имеет с русск. словами ничего общего” (Фасмер III, 440).

Весьма неуверенное сопоставление *рамень* и ср.-верх. нем. *rām, rāme* ‘цель’ у И.В. Ягича сопровождается выразительными словами, что происхождение этого слова для него “nicht klar ist”³², а М. Фасмер считает это сближение сомнительным (Фасмер III, 440).

Г.А. Ильинский, сравнивая *рамень* с англосакс. *wrōt* ‘хобот, нос, рыло’, др.-исл. *rōt* ‘корень’, др.-греч. *ῥάδαμνος* ‘побег’ (и далее лат. *rādia* ‘корень’, *rāmus* ‘ветвь’), приписывал слову *рамень* первичное значение ‘поросль’, но и эти соображения не получили в дальнейшем признания³³.

Но в дальнейшем оказалось, что этимологические разыскания шли по линиям этимологизации, намеченным В.И. Далем и обнаруженным этимологами в его материале. В некоторых случаях просто повторялись этимологические соображения В.И. Даля, но приписывались они другим авторам, например, А.А. Потебне, который, цитируя и близко к тексту пересказывая материал В.И. Даля, ссылался, однако, на источник своих соображений: “Ср. ст.(аринное) в(елико)р.(усское) “*рама*, межа, граница, обвод, обход участка земли; рама, ныне *обрамень*, край предѣл, конец пашни, которая упирается в лѣс, либо расчищена среди лѣсу, как встарь большею частью, а нынѣ тоже нерѣдко на сев. и вост. Руси; отсюда *зарáмень*, *рамень* ж., *рамень*, лѣс сосѣдний с пашней”, нынѣ в свр. вообще дрѣмучій лѣс, гдѣ только по опушкѣ есть починки и росчисти; волог. *рамень*, селеніе, деревня под лѣсом; собств. имя деревни (Даль; Бусл(аев). Оч. I, 99)”³⁴.

Резюмируя соображения Ф.И. Буслаева – В.И. Даля – А.А. Потебни о слове *рамень(е)* (“Потебня относитъ къ друс. *р а м а* *граница, край, предѣлъ пашни, которая упирается въ лѣсъ*”), А.Г. Преображенский задумывается над источниковедческой проблематикой: “Откуда это *рама*, неизвѣстно” – и примыкает к их идеям: “По значенію можетъ быть соединено съ соврем. *рама* (‘пяльца, обвязка из дерева, желѣза’ и проч.); ср. особ. *обрамленный*”³⁵.

В своеобразной форме Далевская этимология была усвоена В.В. Виноградовым, не принявшим, однако, идею лексикографа о славянском происхождении немецкого слова *Rahmen* (которое и на самом деле является исконным немецким соответствием славянскому *кромá, крѣмка*: ср. др.-в.-нем. (*h*)*rama* ‘рама, станина’ – Фасмер II, 380), при этом В.В. Виноградов не заметил, что «старинное русское

рама в значении ‘межа, граница, обвод, обход участка земли’» является результатом переосмысления германизма *рама* в этимологических соображениях В.И. Даля: “Этимологически современное слово *рама* связывается с немецким *Rahmen* (др.-в.-нем. *rama*). Предполагают, что в русский язык оно могло перейти через польское посредство. Это предположение ведет к допущению, что слово *рама* укрепилось в русском литературном языке не ранее XVII в. Украинскому и польскому языку также свойственно это слово в той же форме: укр. *рама*, польск. *rama*, *ramka*; ср. чешск. *rám*, *rámek*, *rámec* (Преображенский II, 180; Brückner 453). От этого слова обособляется как омоним старинное русское *рама* в значении: ‘межа, граница, обвод, обход участка земли’; ср. *раменье*, *обраменье* и т.п.”³⁶

М. Фасмер, связавший *рамень(е)* с прилагательным *рамянный* ‘обильный, сильный, оченный’, следовал фактически не названному им при этимологии В.И. Даля (Фасмер III, 440), но специального обоснования этой этимологии у М. Фасмера нет, да оно особенно и не нужно, поскольку в *рамень(е)* четко выделяется компонент грандиозности, силы, величины.

Вслед за А.Г. Преображенским, Г.А. Ильинский обратил внимание, что слово *рама* ‘край пашни у леса’ не зафиксировано в древнерусских письменных источниках, впервые упоминается лишь у В.И. Даля и “поэтому можно сомневаться, существовало ли оно в нашем языке действительно, и не есть ли оно скорее плод недоразумения гениального русского лексиколога”³⁷. Это замечание назвал справедливым Ю.В. Откупщиков, но сделал странный вывод: “Связь между словом *рамень* и *рама* (в последнем значении) очевидна. Во всяком случае, она не вызвала ни у кого ни малейших сомнений. Но у нас нет никаких оснований выводить первое из последнего”³⁸ (как и последнее из первого!).

Этимологические суждения Ю.В. Откупщикова о связи *рамень* с глаголом *орать* ‘пахать’ с опорой на мнимую литовскую параллель *armiõ* (род.падеж *armeĩs m.*) ‘пашня’ от *árti* ‘пахать’ получили частичное признание³⁹.

Л.В. Куркина указала, что сама эта идея о словообразовательном параллелизме русского названия леса *рамень* и литовск. *armiõ* (род. падеж *armeĩs*) ‘пахотный слой земли’, *ármens plur. tant.* ‘пахотьба’, *armenà* ‘пахотьба’ *armenà* ‘подпочва’, производных от *árti* ‘пахать’, принадлежит К. Буге⁴⁰, соображения которого фактически развивал Ю.В. Откупщиков, опиравшийся при этом на употребление слова *пашня* в очень этимологизированных словарных толкованиях В.И. Даля.

В этимологических соображениях Ю.В. Откупщикова главным было то, что в дефинициях В.И. Даля для слова *рамень(е)* встречалось слово *пашня*: “Прежде всего, *рамень*, как правило, обозначает

не просто ‘лес’, а ‘лес, находящийся по соседству с пашней’. (...) Несомненно родственное со словами *рамень* и *раменьё* слово *рама* обозначает ‘пашня рядом с лесом’. Следовательно, с одной стороны, *рамень* ‘лес рядом с пашней’, с другой – *рама* ‘пашня рядом с лесом’. И оба слова, как это признано всеми (?) одного происхождения”⁴¹.

Этимологические соображения К. Буги–Ю.В. Откупщикова настолько уязвимы семантически, что Ю.И. Чайкина, приемля шаткое и малоосновательное суждение последнего о принадлежности слова *раменьё* к терминологии подсечно-огневого земледелия с предполагаемым развитием значения от неизвестного ‘пашня в лесу’, а потом уже ‘пашня, заросшая лесом’ > ‘лес на заброшенной пашне’ и, наконец, просто ‘лес’, рассмотрела слово *раменьё* в разделе “История географической терминологии в говорах Белозерья”, а не в разделе “История лексики подсечно-огневого земледелия в Белозерье”⁴².

Заброшенная лесная пашня зарастала одинаково как при подсечно-огневом земледелии (подсеке), так и при лесопольной пашенной системе, если пашня выпадала из хозяйственного оборота.

Обращает на себя внимание изменение отношения к этимологическим соображениям К. Буги–Ю.В. Откупщикова пермской исследовательницы Е.Н. Поляковой, которая в своем популярном словаре русской народной географической терминологии Пермской области «От “араины” до “яра”» (Пермь, 1988, 141) при рассмотрении пермского вариантного слова *рамене*, *рамено*, *рамень*, *раменьё*, *раменьё*, *рамка* ‘хвойный лес’, ‘густой, труднопроходимый лес’ ссылается на мнение Ю.В. Откупщикова, но в популярных же рассказах о лексике пермских памятников письменности и говоров “Память языка” (Пермь, 1991, 12: “Ельник называют в Пермской области еще *раменьем*, *чапуригой*, *темным лесом*”; с. 48: “В пермских памятниках (...) называют (...) лес – *лесом* и *раменьем*”; с. 86: “В коми-пермяцких северных говорах (...) существует (русское) заимствованное слово *рамень*, но называют им сырое место, т.е. в нем развилось новое значение. Правда, в других говорах коми(-пермяцкого) языка есть и слово *раменнё* (в составе сочетания *раменнё вёр*) (из *раменьё*, *раменьё*), обозначающее высокий строевой лес, более близкое по значению исконному русскому слову”) уже ничего не говорится о подсечно-огневом земледелии, хотя это было бы интересно как факт памяти языка.

Принявший (с оговорками) этимологию К. Буги–Ю.В. Откупщикова С.Б. Бернштейн не обратил внимания на то, что такая этимология не учитывает разницу ударения в литовском *artniõ/artėĩs* и русским *рамень*, а также устойчивую принадлежность последнего к женскому роду, хотя и включил *рамень* в число слов с суф. -теп-,

однако подчеркивая, что последний образовывал существительное лишь мужского и среднего рода⁴³.

Не обращая внимания на эти трудности семантического, акцентологического и морфологического характера, мешающие безоговорочному признанию этимологических размышлений К. Буги–Ю.В. Откупщикова, дальнейшее варьирование этой этимологии предложила Л.В. Куркина, также опирающаяся на сомнительный конструкт древнерусского слова **рама* ‘межа, граница, обвод, обход участка земли по владению’ и привлекающая в связи с этим сюда этимологически неясное слово *ремень*. Но опора на несуществующее древнерусское слово **рама*, составленное В.И. Далем для этимологических целей, делает и этимологические соображения Л.В. Куркиной беспочвенными.

Л.В. Куркина считает историю развития значений у Ю.В. Откупщикова не отвечающей действительности и предлагает для этого другую схему, отталкиваясь от первичности сомнительного слова **рама* ‘граница’: ‘пограничная полоса’ > ‘пашня на границе с лесом’ > ‘лес на краю пашни’ > ‘лес’ и ‘пашня’. Здесь, как видно из материала, и начальное значение ‘граница’ и конечное ‘пашня’ на самом деле не представлены в реальности.

Не спасает положения смелая попытка вывести несуществующее старинное слово **рама* из реального слова *рамень* с нереальным значением ‘пашня’, которые Ю.В. Откупщиков приписал и иллюзорному древнерусскому **рама*.

В связи с тем, что слова *обрамень*, *обрамок* были составлены (в соответствии с законами русского языка!) В.И. Далем для этимологизации загадочного *рамень(е)* и их существование независимыми источниками не подтверждается, их дальнейшая жизнь в словарях неразрывно связана только с именем великого лексикографа, на которого сделаны при них ссылки Д. или Даль:

“**Обрамень**, я, ср. Обл. Опушка примыкающего к пашне леса, раменья (Вереха, Слов. лесов.). Н о в г о р. (Д.). Конец пашни, примыкающий к лесу (Д., при сл. *рамень*е). **Обрамок**, мка, м. Окраина пожни, примыкающая к лесу, к пригорью (Д.)”⁴⁴.

“**Обрамень**, я, ср. Опушка примыкающего к пашне леса (раменья). **Новг.** Даль // Конец пашни, примыкающий к лесу. **Север., Вост.,** Даль. **Обрамок**, мка, м. Окраина пожни, примыкающая к лесу или возвышенности, с родниками и болотцами. Даль [без указ. места]” (СРГН 22, 195).

Не меняет сути дела более поздний словарь П.Н. Верехи, где ссылки на В.И. Даля нет: “**Обрамень**. Опушка лѣса”⁴⁵.

“Новгородский областной словарь”, где даны новые интересные сведения о слове *рамень(е)* в связи со словами *рама*, *обратить*, *обрамлять*, не знает слова *обрамень* (Новг. словарь).

Под большим подозрением находится и довольно странное слово *зарáменье*, которое с иным ударением было отмечено как новгородское и рязанское в “Опыте областного великорусского словаря” в 1852 г.: “**ЗАРАМѢНЬЕ**, я, *с.ср.* Все, что внѣ соседства, не по сосѣдству. Н о в г о р. Р я з.” (Опыт 66).

В.И. Даль изменил ударение при сохранении территориальной привязки: “**ЗАРАМѢНЬЕ**, *ср. новг. ряз.* полоса, мѣсто за раменемъ, за лѣсомъ // Все, что по сосѣдству съ межей, съ границею извѣстныхъ владеній, но внѣ ихъ” (Даль², 626).

Неоконченный академический словарь увидел внутреннее единство материалов “Опыта областного великорусского словаря” и В.И. Даля: “**Зарáменье** и **Зарамѣнье**, *ья, ср. 1.* Все, что внѣ сосѣдства, не по сосѣдству. Н о в г о р. (Эрдм.), Р я з. (Диттель). 2. Полоса, мѣсто за раменемъ, за лѣсомъ (Д.)”⁴⁶.

В сводном диалектном словаре механически продублированы материалы В.И. Даля и “Опыта” с не очень понятным редактированием: “**Зарáменье** и **Зарамѣнье**, *ья, ср. 1.* З а р á м е н ь е. Место за раменем – лесом. **Новг., Ряз.,** Даль. **Вят.** 2. З а р á м е н ь е. Все, находящееся рядом с межей, границей чьих-либо владений. **Новг., Ряз.,** Даль. 3. З а р а м е н ь е. Все, что находится не по соседству. **Новг., Ряз. 1852”** (СРНГ 10, 378).

Сводный “Словарь русских народных говоров” довольно часто весьма произвольно редактирует исходные материалы и столь же произвольно их объединяет, как, например, это произошло со странным материалом из “Словаря русских говоров Новосибирской обл.”: “**Рáмень**, *и, ж.* Молодая поросль деревьев. – *Рамень – это подрост.* Сузун., Н. Сузун (Новосиб. словарь, 460)”. Эта единственная для Сибири фиксация слова *рáмень* оказывается не вполне ясной, поскольку содержащееся в иллюстративном примере слово *подрост* двусмысленно, как явствует из плохо документированного и не поддающегося проверке иллюстративного примера к слову *подрост* ‘поросль молодых деревьев’ в четырехтомном “Словаре русского языка” (2-е изд., М., 1983, т. III, 214): *Подрост нельзя смешивать с подлеском. Подрост в будущем может стать лесом, подлесок никогда лесом не станет* (Зыков. Три аксиомы), что противоречит определению В.И. Даля: “*Подльсокъ* м. мелкій лѣсъ по краю крупнаго” (Даль² III, 189).

В картотеку сводного “Словаря русских народных говоров” было влито последовательно 150 карточек по русским говорам Новосибирской области, доставленных А.И. Федоровым как “Сибирские диалектные слова (Новосибирская область). 1960” и около 3000 карточек как “Диалектные материалы, присланные Институтом экономики, философии и филологии Сибирского отделения АН СССР. 1964–1966. [Материалы собраны в Сузунском и Ордынском районах

Новосибирской области...]” (СРНГ 1, 110; 3, 12). Вероятно, на основании этого фонда Н.И. Толстой сделал весьма важный вывод: “Из сибирских материалов известна лишь запись из Новосибирск. обл. *рамень*, -еня м. ‘подрост в лесу’ (с. Новый Сузун 1962, Карт. СРНГ)”⁴⁷. Л.В. Куркина из сибирского региона фиксирует только по Новосибирскому словарю *рамень* ‘молодая поросль деревьев’ (Новосиб. словарь 460), но не учитывает сомнительную помету **Иркут.** при отредактированной дефиниции слова *рамень* из “Песен, собранных П.Н. Рыбниковым” (СРНГ 34, 96)⁴⁸.

В сводном академическом словаре из этого же новосибирского материала сделано два значения слова *рамень*, подогнанные под за чем-то отредактированные дефиниции академического словаря 1847 г. (и толкового словаря В.И. Даля): “4. Лесная поросль на запущенной пашне. Слов. Акад. 1847. Сузун. **Новосиб.**, 1965. 5. Лес, примыкающий к полям, пашням. Даль. Сузун. **Новосиб.**, 1965” (СРНГ 34, 96).

В связи со сказанным следует весьма осторожно и весьма критически относиться к диалектному материалу и особенно к его небрежной обработке в сводном “Словаре русских народных говоров”. Приведу еще один пример в связи со словом *раминка*, зафиксированным в “Дополнении к Опыту областного великорусского словаря” 1858 г.: “**РАМИНКА**, и, с. ж. Полоса. *Противу насъ за Волгою лѣсъ всякій растетъ – и краснолѣсье и чернолѣсье, только деревья не мѣшаются между собою, а идутъ раминками: если ужъ растетъ сосна, такъ сосна, а если выпадетъ осина, такъ и пошла все осина, да осина. К а з а н. Тетюш.*” (Доп. к Опыту, 228). В словаре В.И. Даля были исправлены как орфография, так и толкование: “*Раменка* **каз.** островъ, клинъ, полоса однороднаго лѣса. *Лѣсъ не мѣшанный, а все раменками*” (Даль² IV, 58) при сохранении приуроченности к казанским говорам. В сводно-академическом словаре эти две орфографические разновидности одного слова даны как автономные лексемы: “**Раменка** **ж.** Остров, полоса или клин однородного леса. *Лес не мешанный, а все раменками. Казан.*, Даль” (СРНГ 34, 94). “**Раминка**, **ж.** Полоса однородного леса. *Противу нас за Волгою лес всякий растет – и краснолесье и чернолесье, только деревья не мешаются между собой, а идут раминками: если уж растет сосна, так сосна, а если выпадет осина, так и пошла осина, да осина. Тетюш. Казан.*, 1858” (СРНГ 34, 97).

Сбивчивые записи диалектной русской речи, где в дефинициях слов зачастую фигурируют несущественные компоненты значения, а иногда просто случайные, должны быть заменены более четкими дефинициями терминологических словарей, где фигурирует существенное, хотя терминология представлена в таких словарях и не во всей полноте: “**Раменниковое корье** (Пензенск.), считается однимъ

изъ лучшихъ для дубленія кожъ. Къ *раменнымъ* ивамъ относятся: *Salix caprea*, *S. aurita* и *S. cinerea*, вообще лѣсныя ивы, растушія преимуществ. по леснымъ опушкамъ, раменямъ, и имеющія морщинистые, матовые листья. **Раменный лѣсъ** (Костром.), сѣснов. бревна дл. 3 саж. и 6–10 вер. в верхн. отрубѣ, лучшихъ качествъ, малосучныя, на оконныя и дверныя рамы. **Рамень**, строевой лѣсъ, бревна, 5–7 саж дл., 5–8 вер. толщ.”⁴⁹ В определении *раменного леса* явно присутствует этимологизационный компонент в виде *рам*, которые якобы из него делаются.

“**Раменка**. Полоса однороднаго лѣса (Каз.). **Рамень**. 1) Строевое дерево длин. 5–7 саж., толщ. 5–8 вершк. (Костр.). 2) Раменье. **Раменье**. Лиственный лѣсъ, смѣсь ольхи, березы, осины и другихъ мягкихъ породъ. **Р. черное**. Низкое мѣсто, на которомъ растетъ болѣе сосна (?) (Бурнашевъ. Опытъ терминолог. словаря. СПб., 1844). Въ Пермск. губ. такъ называютъ участки еловыхъ и пихтовыхъ лѣсовъ, на всегда очень мокрой почвѣ. По стариннымъ періодическимъ (sic!) актамъ, *Р.* – лѣсъ сосѣдній съ полями”⁵⁰.

Надо сказать, что и терминологические словари и специальная литература обнаруживают колебания в определении понятия *рамень* и особенно в классификации *раменных лесов* и в отношениях их к другим видам лесов, а также в системных отношениях терминов: “**РАМЕНЬ**, народное название еловых лесов на С. лесной зоны; они развиваются на глинистых и суглинистых почвах и противопоставляются борам, занимающим песчаные и супесчаные почвы. Некоторые лесоводы используют термин “Р.” в целях классификации типов леса и различают: свежую Р., влажную, илистую, подболотную, сырую Р. и др. Подобная классификация типов леса искусственна, т.к. указание на растительность отсутствует”⁵¹. “Такие мѣста наблюдаются по всѣмъ рѣкамъ Европейской Россіи, гдѣ только къ берегамъ подходят дюны. Въ Тамбовской и Саратовской губ. и въ З.Д.К. ихъ называютъ просто “ольхами” или “ольшанниками”; по средней Волгѣ онѣ носятъ характерное названіе “чернорамения” (Мельниковъ, Красновъ), а въ губ. Архангельской и въ Зауральѣ ихъ называютъ “сограми” (см. г. Кузнецовъ въ Труд. СПб., О. Ест. XIX и В. Аленицынъ. Очеркъ Троицко-Челябинскихъ озеръ. р. 24)”⁵².

Правда, слово *рамень* по недоразумению попало и в историко-культурные словари архаической русской лексики, где оно выглядит чужеродным элементом, но необщезвестность слова очевидна. В этих определениях уже содержится терминологическое обобщение: “**РАМЕНЬЕ**, глухие смешанные леса, мшистые, сырые, в основном на суглинках; чернолесье с елью, пихтой, осиной, березой”⁵³. “**РАМЕНЬЕ** – глухие смешанные леса, так называемый *черный лес* с елью, осиной, березой”⁵⁴.

Традиция помещения слова *рамень* в словари не к месту идет, по-видимому, от церковнославянского словаря Г.М. Дьяченко, который включил в свой словник просто малознакомое слово⁵⁵, каких довольно много в этом словаре и которые не являются словами церковнославянскими.

В связи с неудовлетворительностью всех существующих этимологий, все они должны быть пересмотрены на предмет их совершенствования и устранения имеющихся препятствий для их приятия. В этой связи представляется перспективной одна из двух осторожно высказанных А. Маценауэром этимологических возможностей. Фактически сопоставление А. Маценауэра рус. *рамень* и новогреч. ρουμίνι ‘лесная чаща, лес’ затрагивает лишь два элемента весьма обширного ряда географических терминов в связи с тюркским названием леса типа *орман*, которое проникло и в русский язык в фонетической форме *урман* из поволжских (татар., башкир.) и западно-сибирских тюркских языков.

Впервые это слово с одним производным было зафиксировано лексикографами в Сибири: “**УРМАННЫЙ**, а го, в знач. с.м. Медвѣдь. Т о б о л. Тар. **УРМАНЪ**, а, с.м. Дремучій лѣсъ на болотистомъ грунтѣ. Т о м.” (Опыт 240).

Слово это четко привязано к Сибири как местный географический термин: “*Урман* – хвойный лес из пихты, кедра и лиственницы (Зап., Ср. Сиб., Тобольский север)”⁵⁶. “**УРМАН** – густой незаболоченный хвойный лес в Зап. Сибири, большей частью с преобладанием пихты, с значительным количеством ели и кедра, иногда с примесью лиственницы. У. обычны в долинах рек”⁵⁷.

Единичная фиксация этого слова на Европейском Русском Севере вызывает сомнения: “**Урманъ** – дремучій хвойный лѣсъ по болоту; лѣсная чаща, лѣсная глушь въ дремучемъ лѣсу (Архангельской губ.)”⁵⁸. Статья эта в “Энциклопедическом словаре” обнаруживает явную зависимость от словаря В.И. Даля: “**УРМАНЪ** м. въ тоб. произнс. *урманъ*, татр. лѣсъ, особенно хвойный; дремучіе, обширные лѣса по болоту; въ *зпд.-сиб.* *урманъ*, что въ *встч.* тайга, дикіе необитаемые лѣса, на огромном просторѣ; ель, сосна, пихта, кедръ и пр. *Урманный*, къ лѣсу относящс. || *Тоб.* медвѣдь. *Урма* ж. кстр. звѣрокъ бѣлка, векша” (Даль² IV, 508). Над этой статьей находится вплотную к ней примыкающая однострочная статья: “**УРЛАНЪ** м. *арх.* крикунъ, горланъ, горлопай”. Не исключена возможность, что территориальная помета *арх.* к слову *урланъ*, весьма внешне похожему на сибирское *урманъ*, была ошибочно отнесена к последнему.

Вопреки категоричному суждению М. Фасмера, связь между тюркским названием *orman* ‘лес’ и русским *рамень* вполне возможна, поскольку тюркское слово проникло во многие языки Евразии:

макед., болг., серб. *орман*, алб. *gutan*, макед.-рум. *urmane*, перс. *ōrmān*, курд. *urman*, рус. *урман* и т.д. — и являет собой образец так называемого бродячего слова⁵⁹.

В тюркологии название леса: *orma:n* (туркм.), *orman* (тур., караим., карач.-балкар., кумык., тофалар., казах.), узб. (*ўрмон*); татар., башкир. *urman*, чуваш. *вӑрман* иногда рассматривается как “одно из древнейших индоевропейских заимствований в тюркских языках”⁶⁰, хотя конкретный источник не называется.

В целом тюркские общие названия лесов варьируются по регионам и связаны с разновидностями леса применительно к географическим условиям, но термин *орман* занимает здесь центральное место⁶¹.

Если тюркское происхождение русского диалектного слова *урман* ни у кого не вызывает сомнения, то тюркское же происхождение другого диалектизма *рамень* исключается по следующим соображениям:

1) для слова *рамень* устойчиво ударение на первом слоге, что нехарактерно для тюркизмов; хотя редкие случаи переноса ударения на начальный слог в тюркизмах русского языка известны⁶².

2) в отличие от *орман*, в русском *рамень* не соблюдается сингармонизм гласных по ряду, хотя в одном из тюркских языков (саларском) наблюдается нарушение гармонии гласных (*ormən/ormän*)⁶³.

Заимствование из русского языка в тюркские также выглядит маловероятным из-за большого распространения слова у тюрков (преимущественно западного ареала). В таком случае представляется весьма вероятным предположение заимствования русского *рамень* и тюркского *орман* из какого-то неизвестного третьего источника или отношение исконного родства в рамках ностратической семьи языков, для которых до сих пор не удавалось восстановить общее название леса.

Если в тюркском *орман* выделять суф. *-ман* с увеличительно-уподобительным значением⁶⁴, то корневую часть можно идентифицировать с финно-угорским названием леса, горы **wara-*, которое представлено в следующих языках: доперм. **wara-*, коми-зыр. *вӧр* ‘лес’, удм. *выр* ‘возвышенность’, ‘холм’ (< прапермск. **var-*), фин. *vaaga* ‘горка’, ‘сопка’ и далее швед.-саам. *vārre* ‘лес’, манс. *βör* ‘лес’, *иӟ* ‘покрытый лесом горный хребет’⁶⁵.

Мордовское название леса *вир* (*vir*) с реконструкцией прамордовской формы **vir-* В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев вслед за А.И. Поповым смело использовали для объяснения речных названий *Воргол*, *Варгол(ь)*; *Ворожба*, *Воробжа*; *Воронеж*, *Ворскла*, *Върьскла*, *Ворьсколь*, *Ворскль*, *Ворскло* бассейнов Дона и Днепра⁶⁶.

В таком случае придется отказаться от предпринятой в “Основах финно-угорского языкознания” финно-угорской реконструкции:

«лес: **womta* > с(аам). *wuow'de*, х(ант). *wont*, *wont*, в(енг). *vad* 'дикий', 'дичь', *vadon* 'глухой лес'» – обусловленной мадяроцентризмом авторов соответствующего раздела⁶⁷.

Отношения между русским диалектизмом *рамень*, тюркским *орман* и финно-угорским типа коми-зыр. *vör* можно до какой-то степени уточнить при опоре на топонимический материал, который также содержит в себе много неясного.

В качестве слова, употребляющегося в некоторых тульских говорах и не зарегистрированного ни в одном областном словаре, Ф.П. Филин приводит загадочное слово "*армань* – 'опушка леса на высоком берегу реки' (из тюркск. (?) *örmān* – 'лес'). Лес может быть вырублен, распахан и даже застроен, а урочище продолжает сохранять свое прежнее название. Каким образом оказалось усвоенным тюркское (татарское) нарицательное слово в местности, в которой нет следов татарских поселений? Это требует своего исторического обоснования"⁶⁸. Однако любопытно, что в составленном Ф.П. Филиным первом выпуске сводного академического "Словаря русских народных говоров" (М.; Л., 1965, 276) это же слово дано с несколько иным толкованием: "**Арма́нь**, и, ж. Березовый лес у реки (употребляется как собственное имя). Селино Дубен. Тул. Филин 1933 – Тюрк. [?]" (СРНГ 1, 276). Впрочем, в топоним могло превратиться и какое-нибудь другое нарицательное существительное типа чуваш. *арман* 'мельница', но для этого нужны какие-то конкретные сведения для поддержки гипотезы.

Впрочем, при вхождении тюркского слова *орман* 'лес' в русский язык в составе топонимов наблюдаются и некоторые отклонения от нормальных рефлексов, особенно в составе топонимов. Географическим термином *орман* 'лес' объясняют иногда первую часть самой высокой горы Крыма *Роман-Кош* < тюрк. *орман* 'лес' + *кош* 'временное жилище пастухов'⁶⁹. Здесь также нужны дополнительные сведения, поскольку существует и альтернативная версия: "первая часть названия *Роман-Кош* представляет собою реликтовое **raman* 'стоянка, привал'" из индоарийского источника, а вторая – "тюркская по происхождению: *koş* 'стоянка, лагерь'"⁷⁰. По географическим причинам не может быть принято привлечение этнонима, восходящего к личному имени *Рахман* в далеком киргизском языке, где нет звука х: "Топоним *Роман-Кош* (высшая точка крымских гор в том же районе), возможно, связан с родовым подразделением *раманкул* у киргизов"⁷¹. Такая связь невозможна, поскольку в Крыму звук х присутствует во всех его языках.

В качестве второй части термин *орман* входит в состав названия *Теллермановский* (*Тилеормановский*) *лес* в Грибановском районе Воронежской области около устья реки Вороны у современного Борисоглебска и названия поселка *Теллермановский*⁷². С географиче-

ским термином *рамень(е)* связывают топонимы *Рамонь*, (ж.р.) и *Рамонье* в той же Воронежской области⁷³, что можно признать только частично справедливым лишь применительно к последнему географическому названию в акцентологическом плане.

Есть и другие неясные топонимы, созвучные с *рамень*, на которые обращали внимание исследователи: “Неясным для нас мы признаем *Ромен* (несколько случаев в бассейне Сулы⁷⁴), название, имеющее древний вид и поэтому сопоставимое с лит. *Armenà* и др. если и не непосредственно, как это делает Стрижак⁷⁵, то, возможно, как одно из периферийных отражений древнеевропейской гидронимической формы, ср. еще *Armeno*, река в области Триент, далее формы *Armenta*, **Armantia* и другие, собранные Краэ”⁷⁶.

В заключение несколько слов о пользе лингвистических словарей для этимологических разысканий, поскольку она оказывается относительно скромной. Мало пользы приносят и академические нормативные словари литературного языка, которые трактуют интересующие нас слова почти одинаково: *рамень(е)* ‘темнохвойный, большей частью еловый лес’ – *урман* ‘хвойный лес’, снабжая их одинаковой смутной пометой *обл*(астное слово)⁷⁷.

Впрочем, некоторые уточнения проникают в последующие издания таких словарей, где вместо безответственной пометы *обл.* все-таки начинает появляться конкретная информация об этих загадочных *обл*(астях): “**РАМЕНЬ**, -и, ж. и **РАМЕНЬЕ**, -я, ср. *Обл.* Темнохвойный, большей частью еловый лес”. “**УРМАН**, -а, м. Темнохвойный лес на приречных участках таежной зоны Западной и Средней Сибири (с преобладанием пихты, кедра, ели) {...} [тат. *урман*]”⁷⁸.

Гораздо большая информативность и точность достигнута краткими энциклопедическими словарями: “**РАМЕНЬ** (раменье), темнохвойный, б.ч. еловый лес в Европ. части СССР; иногда с примесью мелколиств. пород”. “**УРМАН** (тюрк.) темнохвойный лес (пихта, сосна кедровая, ель) на приречных участках таежной зоны Зап. и Ср. Сибири”⁷⁹. Здесь, кроме четкой территориальной привязки слов, также заметно уточнение, которое заключается в том, что из дефиниции термина *рамень* устранено слово *подраменье*, которое не представлено ни в одном русском общем словаре: “**РАМЕНЬ** (раменье), темнохвойный, б.ч. еловый лес в Европ. части СССР, иногда с примесью мелколиственных пород (подраменье)”⁸⁰.

Данное этимологическое разыскание направлено не столько на обоснование новой этимологии слова в заголовке, которая еще нуждается в доработке, сколько на показ мелких препятствий в привлекаемом материале для существующих этимологических решений и на доказательство необходимости разработки источниковедческой базы для этимологических исследований.

Дальнейшее совершенствование словарей, освобождение их от хронических недоговоренностей, неточностей и прямых ошибок создаст прочную базу для более успешных этимологических исследований, а сейчас приходится прибегать к взаимной перепроверке многих словарей.

Примечания

- ¹ Ильинский Г.А. Славянские этимологии: I–XXXV // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1918, т. XXIII, кн. 1. 1919, 125–182 (XXXIV. Влр. *рамень* “лес, граничащий с полем” 179–181); *Откупщиков Ю.В.* О происхождении слов *рамень* и *рамень* // Вопросы общего языкознания. Л., 1965, 88–96; *Чайкина Ю.И.* Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике северновеликорусских говоров. Вологда, 1975, 3–187 (*Рамень* 37–43. Обильный материал из старинных местных письменных документов на употребление слов *рамень*, *рамень*, представленный у Ю.И. Чайкиной, сейчас может быть дополнен тамбовскими памятниками, на которые мое внимание обратила Е.Н. Борисова: Документы, относящиеся к истории Мамонтовой пустыни, собранные членом Тамбовской архивной комиссии П.И. Пискаревым. Приложение к “Известиям Тамбовской архивной комиссии”. Тамбов 1887, № 14, 23, 37, 64); *Толстой Н.И.* Этюды по семантике славянских географических терминов (*дрезга, рудина, рамень*) // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983, 112–133 (*Рамень* 126–131); *Куркина Л.В.* Еще раз к этимологии рус. *рамень* // Этимология 1997–1999. М., 2000, 77–87. Обильный диалектный материал Н.И. Толстого и Л.В. Куркиной может быть дополнен некоторыми новыми и старыми публикациями, которые не попали в поле зрения этих обстоятельных авторов.
- ² Словарь Академии Российской, часть V: отъ *Р* до *Т*. СПб., 1794, стб. 70. Ср. аналогичное известие под 1460 г. в Летописном своде 1497 г. (Летописец от 72-х язык): “Силная же буря она...храмы многия размета, а лѣсы старые боры и рамения и дубы великие ис корения исторже” (Полное собрание русских летописей. Т. 28. М.; Л., 1963, 115). В академическом “Словаре русского языка XI–XVII вв.” (вып. 21. М., 1995, 268) этой цитатой иллюстрируется следующее значение: “Заброшенная пашня (обычно в лесу); лесная поросль на заброшенной пашне; смешанный, а иногда и настоящий хвойный лес”.
- ³ Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, часть V: отъ *П* до *С*. СПб., 1822, 241–242.
- ⁴ *Соколов П.И.* Общий церковно-славяно-русский словарь. Ч. II. СПб., 1834, 1089.
- ⁵ *Рейф Ф.И.* Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или Этимологический лексикон русского языка {...}. Т. II. СПб., 1836, 764.
- ⁶ *Никольский А., Врангель В., Нольде Е., Клинке А.* Лесной словарь. Составлен в департаменте корабельных лесов. Ч. II. СПб., 1844, 539, 540
- ⁷ *Бурнашев В.П.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. II: О–Ө. СПб., 1844, 165, 338.
- ⁸ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук. Т. IV. СПб., 1847, 40.

- ⁹ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, изд. Археографическою Комиссиею. СПб., 1838, 170 (№ 151). Документ неоднократно переиздавался (Акты исторические, I, 313, № 163; Архив Строева, I // Русская историческая библиотека, 32, стб. 413, № 196), в последний раз – в сборнике “Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.” (т. II. М., 1958, 296, № 316) как относящийся к 1556 г.
- ¹⁰ Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря Древней России. М.; Л., 1937, 296.
- ¹¹ Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья, 38.
- ¹² Слово *рамень* в СлРЯ XI–XVII, 21, 267 толкуется с немотивированным отличием: “Заброшенная пашня (обычно в лесу); лес, выросший на заброшенной пашне, с характерным составом пород соответственно возрасту участка”. Интересно, что под этим же словом *рамень* дается и оттенок значения: “Вообще о густом, с подлеском, лесе, независимо от величины занимаемой им территории” (СлРЯ XI–XVII 21, 268). Еще одно толкование дано в словарной статье: “**РАМЕНСКИЙ**, прил. Относящийся к раменью, т.е., видимо, дремучему, непроходимому лесу. Есть трава Адамова глава, растетъ возлѣ сильных Раменскихъ болотъ. Лечебник без заглавия, 1672 г. Рукоп. Пушкинского Дома, собр. В.Н. Перетца 4, № 217, сер. XVIII в.” (СлРЯ XI–XVII 21, 267). Такие колебания вполне объяснимы трудностями толкования контекстов, которые мало что говорят о значении.
- ¹³ Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, 539.
- ¹⁴ Шайтанов А. Реестр а) словам и б) пословицам, схваченным около Верховажья Вологодской губернии, с объяснениями их значения. 1849, 28 л. в. 1/4 [Словарь. лл. 1–21]. Архив АН СССР. Фонд 216. Опись 4, № 29.
- ¹⁵ Толстой Н.И. Этюды по семантике славянских географических терминов, 128. Сокращения раскрываются в библиографии источников в (СРНГ 1, 21–160).
- ¹⁶ Толстой Н.И. Этюды по семантике славянских географических терминов, 130; со ссылкой: Борисоглебский Я. Несколько особенных слов, употребляемых крестьянами Гороховского уезда// Владимирские губернские ведомости, 1854, № 11, часть неофиц., 79: “*Рамень*. Этимъ словомъ называютъ большой березовый лѣсъ. Сосновый лѣсъ извѣстенъ подъ названіемъ *боръ*”.
- ¹⁷ Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. Русская народная поэзия. Санкт-Петербургъ, 1861, 99.
- ¹⁸ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Ч. III. Народные былины, старины, побывальщины. Петрозаводск, 1864, XLVI (третьей пагинации: Объяснение непонятныхъ и областныхъ словъ, встрѣчающихся в сборникѣ).
- ¹⁹ Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. М.; Л., 1958, 65.
- ²⁰ Толстой Н.И. Этюды по семантике славянских географических терминов, 130.
- ²¹ Сажин П.А. Курс на завтра. Л.; М., 1931, 81.
- ²² Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 36: Раковник–Ромэн”. [М., 1955], 13.
- ²³ Лит. наследство, 1937. Вып. 31–32. Сб. Русская культура и Франция, 2, 146.
- ²⁴ Рейф Ф.И. Русско-французский словарь. Т. II. СПб., 1836. Стб. 765.

- ²⁵ Чистяков М.Б. Курс теории словесности. Ч. II. СПб., 1847, 77. М.Б. Чистяков в разделе “Неологизмы”, обращая внимание на эту категорию слов, дает им следующую характеристику: “Иногда, желая или выразить новую сторону идеи, или уловить новый отгънокъ картины, писатель составляет свои слова, т.е. производить отъ прежнихъ словъ новыя, чрезъ измѣненіе окончаній, или чрезъ сочетаніе одного слова съ другимъ. (...) Но неологизмы портятъ языкъ, – когда (...) вопреки свойству языка измѣняется слово, при его производствѣ: наприм. звончатый, муравчатый, вихрить, холмиться, оцвѣтлять, оцвѣтляться, залюбоваться зажемчужиться, т.е. катиться, подобно жемчугу; и обличать вм. открывать, показывать, обнаруживать, возможность вмѣсто свойство; таковы же: обрамить, обрамленный”.
- ²⁶ Словарь церковнославянского и русского языка, III, 29.
- ²⁷ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Т. 16. М., 1949, 235.
- ²⁸ Matzenauer A. Cizí slova ve slovanských řečech. Brno, 1870, 289.
- ²⁹ Вероятно, спутано с лат. *ramus* ‘ветвь’.
- ³⁰ Hofmann J.B. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1949, 294.
- ³¹ Греческое слово известно в памятниках русской письменности в формах *рамнь*, *рамнь*, *рамонъ*, *рамна*, *рамына*, *рамынь*, *рамынь* ‘терновник’ (СлРЯ XI–XVII вв. 21, 268).
- ³² Jagic V. Kleine Mitteilungen// Archiv für slavische Philologie. Bd. VII. Hf. 3, 1884, 484: “Nicht klar ist mir das russ. páma, ráмень Grenzmark, Rain, der benachbarte Wald (S. 30–31) – soll es mit mhd râm, râme (Ziel) zusammenhängen?” (обзор “Этимологических и других заметок IV” А.А. Потебни).
- ³³ Ильинский Г.А. Славянские этимологии, 179–181.
- ³⁴ Потебня А.А. К истории звуков русского языка. IV: Этимологические и другие заметки (Отд. оттиск из “Русского филологического вестника”). Варшава, 1883, 30–31.
- ³⁵ Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Вып. 12. М., 1916, 181.
- ³⁶ Виноградов В.В. История слов. М., 1994, 390, со ссылками: Потебня А.А. К истории звуков русского языка, 1881, 30; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб.-М., 1912, 1586.
- ³⁷ Ильинский Г.А. Славянские этимологии, 179.
- ³⁸ Откупщиков Ю.В. О происхождении слов *рамень* и *раменье*, 89–90.
- ³⁹ Откупщиков Ю.В. О происхождении слов *рамень* и *раменье*, 93–94; Откупщиков Ю.В. Из истории словообразования в славянских языках // Очерки по словообразованию и словоупотреблению. Л., 1965, 114; Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, по указателю под *рамень(е)*; Откупщиков Ю.В. Словообразовательные модели и этимология // Этимология 1967. М., 1969, 85.
- ⁴⁰ Būga K. Rinkiniai raštai, sej II. Vilnius, 1959, 530.
- ⁴¹ Откупщиков Ю.В. О происхождении слов *рамень* и *раменье*, 93.
- ⁴² Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья, 37–44.
- ⁴³ Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974, 164, 179. Не объясняет родовую принадлежность слова *рамень* и: Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1: Единственное число. Л., 1927, 41–43.
- ⁴⁴ Словарь русского языка. Т. XIV. Вып. 5: Ободратья-Обратность. 7-е изд. М.; Л., 1936, стб. 811, 814.
- ⁴⁵ Вереха П.Н. Опыт лесоводственного терминологического словаря. СПб., 1898, 322.

- 46 Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук. Т. II. Вып. 6. СПб., 1902. Стб. 1843 со ссылками на: *Эрдман Ф.И.* Дополнение к "Опыту областного великорусского словаря" по Новгородской губернии // Ученые записки Казанского университета, 1857. Кн. 2. 106–167; *Диттель*. Сборник рязанских областных слов // Живая старина, 1898. Вып. II, 212 (Зарамень... Все, что внѣ сосѣдства, не по сосѣдству). По указанию В.Д. Бондалетова, последний "Сборник" (собрано в 1860 году) с добавлением О.П. Семеновой "был в свое время использован В.И. Далем" (*Бондалетов В.Д.* В.И. Даль и тайные языки в России. М., 2004, 217, прим. 57).
- 47 *Толстой Н.И.* Этюды по семантике славянских географических терминов 129.
- 48 *Куркина Л.В.* Еще раз к этимологии рус. *рамень* 78.
- 49 *Кайгородов Д.(Н.)* Русский толковый лесотоварный словарь. СПб., 1883, 121–122.
- 50 *Вереха П.Н.* Опыт лесоводственного терминологического словаря. СПб., 1898, 434–435.
- 51 Большая советская энциклопедия. Т. 48: Рава-Робиа. М., 1941, стб. 215.
- 52 *Литвинов Д.И.* Гео-ботанические заметки о флоре Европейской России. М., 1891, 56, примеч. (Издание Импер. Моск. Общ. Испытателей Природы "Bulletin" № 3, 1890).
- 53 *Беловинский Л.В.* Российский историко-бытовой словарь. М., 1999, 383.
- 54 *Байбуurin А., Беловинский Л., Конт Ф.* Полузабытые слова и значения: Словарь русской культуры XVIII–XIX вв. СПб., 2004, 412.
- 55 *Дьяченко Г.* Полный церковнославянский словарь. М., 1900, 1098: "*Рамень* = мѣсто, поросшее большимъ, строевымъ лѣсомъ".
- 56 *Виноградов Г.* Географическая народная номенклатура// Сибирская советская энциклопедия. Т. I: А–Ж. [Новосибирск, 1929], стб. 635. Подробнее см.: *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М. – Новосибирск, 2000. С. 97, 590. Из Восточной Сибири в русский литературный язык проникло слово *тайга*.
- 57 Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 44: Ужи-Фидель. [М., 1956], 321.
- 58 Энциклопедический словарь, изд.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XXXIV^a (полутом 68). СПб., 1902, 913.
- 59 *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. II. Wiesbaden, 1965, 142 (№ 588).
- 60 Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997, 110.
- 61 Не вполне совпадающие обзоры И.Г. Добродомова и Э.Р. Тенишева можно сопоставить в коллективном труде "Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика" М., 1997, 94–95 и 110–111 (соответственно).
- 62 *Добродомов И.Г.* Акцентологическая характеристика булгаризмов в славянских языках // Советская тюркология. 1979. № 5.
- 63 *Севертян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, 472; со ссылкой на: *Kakuk S.* Sur la phonétique salar// Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, 1962. Т. XII, fasc. 1–3, 185.
- 64 *Севертян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, 197–199.
- 65 Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974, 139; *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, 67.

- ⁶⁶ *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, 223–224.
- ⁶⁷ Основы финно-угорского языкознания, 414 (авторы К. Редее и И. Эрдейи).
- ⁶⁸ *Филин Ф.П.* Об областном словаре русского языка// Лексикографический сборник. Вып. II. М., 1957, 8.
- ⁶⁹ *Поспелов Е.М.* Географические названия мира. Топонимический словарь. М., 1998, 355.
- ⁷⁰ *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье // *Этимология* 1979. М., 1981, 123–124.
- ⁷¹ *Лезина И.Н. Суперанская А.В.* Об этнотопонимах Крыма // *Тюркская ономастика*. Алма-Ата, 1984, 83.
- ⁷² *Загоровский В.П.* Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж, 1973, 119.
- ⁷³ *Прохоров В.А.* Надпись на Карте. Воронеж, 1977, 147; *Загоровский В.П.* Историческая топонимика Воронежского края, 109. Ср. также: *Барандеев А.В.* Раменское// *Русский язык в школе*. 2005. № 3.
- ⁷⁴ *Маштаков П.Л.* Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913, 49.
- ⁷⁵ *Стрижак О.С.* Назви річок Полтавщини. Київ, 1963, 59–60.
- ⁷⁶ *Трубачев О.Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, 209 со ссылкой на: *Krahe H.* Die Struktur der alteuropäischen Hydronymie. Wiesbaden, 1963, 32–33.
- ⁷⁷ Словарь русского языка в четырех томах. Т. III. М., 1959, 851; т. IV. М., 1961, 698.
- ⁷⁸ Словарь русского языка в четырех томах. 2-е изд. Т. III. М., 1984, 638; Т. IV. М., 1984, 511.
- ⁷⁹ Большой энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1991, 241, 530.
- ⁸⁰ Советский энциклопедический словарь. М., 1983, 1097. Ср., однако: *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984, 445: “ПОДРАМЕНЬЕ еловый лес вдоль речной долины на перегнойных и илисто-торфяных почвах”.

Л.П. Дронова

ПРЕКРАСНЫЙ КРАСНЫЙ*

В настоящее время все шире распространяется представление о том, что языковые процессы не могут быть адекватно объяснены при их разделении на синхронные и диахронные¹. Традиционно важность отношений между двумя этими подходами в исследовании языка определялась объяснительным характером диахронического анализа по отношению к синхронному. Становление антропоцентрической лингвистики, активно осмысляющей свои задачи и возможности, серьезные наработки современной лексической семанти-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант 05-04-04141а.